

Частушка как народная рефлексия советской ценностной системы

Конец XX – начало XXI веков в России – время общественных потрясений, ломки стереотипов, идеологической и экономической неопределенности, складывания новых общественных отношений, переосмысление культурных ценностей и установок. На протяжении этого времени ситуация в стране менялась неоднократно, что привело к противоречивой оценке и советского прошлого и событий, которые произошли в 80-90 гг.: перестройка, распад СССР, путчи 1991 и 1993 гг., приватизация, экономические реформы. Человеческое сознание в любой переломный момент пытается вырваться выработать собственную идеологию выживания, вырвавшись из идеологического хаоса, выстроить систему ценностных ориентиров, опираясь и на традиционную, проверенную веками, культуру, и советские, ставшие привычными, принципы, и ориентируясь на новое, ассоциируемое с западным. Сознание постсоветского человека XXI в. есть постмодернистский коллаж, поскольку «принципу сменяемости в материальной культуре противостоит принцип наслаивания в культуре духовной» (Толстой, 1995. С.46). Все эти искания, попытки выстроить новую систему ценностей отражаются в первую очередь в поведенческих и речевых практиках индивидуума, в искусстве, наивной и массовой литературе, в фольклоре. Фольклор как один из социальных институтов «управления человеческим поведением» (Путилов 1994) организует и моделирует поведение человека в разных ситуациях, предлагая человеку образцы поведения и психологических реакций, т.е. собственную систему ценностей.

Как и другие формы культуры, фольклор динамичен по своей природе, он отражает изменения, происходящие в обществе, фиксирует интериорное сознание. В настоящее время принято говорить о существовании нескольких

фольклорных систем. Одна из них «принадлежит среде с господствующим фольклорным сознанием и фольклорным способом сохранения и передачи культурной традиции. Другая функционирует в среде, культура которой определяется письменной, «ученой» традицией» (С. Неклюдов). В отличие от традиционного, «современный» фольклор, в частности его текстовая составляющая, рассчитан на определенную аудиторию, дифференцированную по возрастному, половому, профессиональному и др. признакам. «Современный» фольклор представляет собой «монтаж образов, стереотипов, формул, пришедших из различных письменных, устных, визуальных источников информации» (К. Богданов).

Взгляд на фольклор как особый тип коммуникации (см. работы Ю.М. Лотмана, В.Я. Проппа, Д. Бен-Амоса) позволяет обратиться к фольклорному жанру как миромоделирующей системе, по словам М.М. Бахтина, «форме видения и осмысления действительности», как вербальному оформлению типичной ситуации социального взаимодействия людей (работы В.В. Дементьева, К.Ф. Седова), модели, с помощью которой человек реализует свое речевое намерение, замысел (по М.М. Бахтину), как специфическому воплощению общих когнитивных установок.

Обратимся к жанру частушки, активно функционирующему и в современном фольклоре. Востребованность жанра в праздничном, политическом дискурсах обусловлена ее специфическими особенностями.

Собиратели и исследователи частушек неоднократно подчеркивали, что это жанр традиционного фольклора, позволяющий публично обсуждать наиболее болезненное: человеческие взаимоотношения, социальные события – все, что, так или иначе, не соответствует норме, все, о чем не принято говорить открыто (см. работы С.Б. Адоньевой, В.С. Бахтина и др.). Благодаря частушке традиционное общество осуществляет контроль над молодежью, ее взглядами, поведением, пониманием и следованием норме. Коммуникативной функцией частушки как речевого фольклорного жанра – сообщить коллективу о своем отношении к событию, – объясняется и

формально-содержательная структура жанра, и специфика образа говорящего и слушающего.

Говорящий (исполнитель частушки) в редких случаях является ее автором, при этом каждый исполнитель несет ответственность за спетое, он сам подбирает текст, подходящий данной ситуации, выражающий его настроение, его позицию. С другой стороны, поскольку это жанр фольклорный, говорящий, исполняя тот или иной текст, созданный и функционирующий по законам жанра, делит ответственность за сказанное с коллективом, традицией. Обязательная публичность частушки предполагает, что у нее есть и «прямой адресат»/слушатель, кому непосредственно направлено сообщение-текст, и «коллективный адресат» – аудитория, которой предлагается «авторский» взгляд на события. Активная жизнь жанра на протяжении середины XX – начала XXI веков, имеющего не только устное, а преимущественно письменное бытование, в первую очередь обусловлена социально-культурным контекстом. Анонимное творчество в России подготовлено длительным господством тоталитарной системы, зорко отслеживающей любое проявление вольнодумства. Наравне с анекдотом, интеллигентским жанром по своей природе, частушка (мы можем говорить о функциональном сближении данных жанров в настоящее время) становится способом противостояния официальной власти, она участвует в создании «альтернативной» ценностной картины мира, откликаясь на события «здесь» и «сейчас».

В основе частушки лежит «карнавальное» начало, превращение нормативной ситуации в анормативную. Диалог с нормой в данном жанре способствует утверждению общепринятых коллективных ценностей, правил поведения в социуме. Формально это выглядит как проявления индивидуального начала: *У меня миленьков семь. / Семь и полагается: / Если пятеро уйдут, / Два других останутся.* Традиционное сознание рассматривает описанную ситуацию как ненормативную, частушка же,

выстраивая «антинорму», тем самым подтверждает общенародную норму.

Как быстрый способ реагирования на общественные изменения, частушка стала активно использоваться и в советском, и в современном агитационном дискурсе: от стилизаций Д. Бедного, стенгазет, агитбригад до Интернета, СМИ (например, конкурс частушек, проведенный «Единой Россией» в преддверии выборов). Тематика частушки, с одной стороны, не ограничена, но реально в кругу рассматриваемых тем проявляются определенные тематические приоритеты, обусловленные средой бытования частушки. Так, в традиционном фольклорном дискурсе, а также современном праздничном дискурсе значительная часть частушек – любовные. Меньшее количество частушек фиксирует социальную проблематику разного уровня: от взаимоотношений внутри фольклорного коллектива (например, отношение к сплетням и др.) до особенностей политического устройства государства (образование колхозов, проблемы социального неравенства и др.). В современном фольклорном дискурсе, в зависимости от среды функционирования: сайт политика, сайт его оппозиции в Интернете; газета, объявляющая конкурс на определенную тему, праздничный дискурс¹ – оцениванию подвергаются как любовные, так и социально-бытовые, политические отношения. Отметим, что во всех рассмотренных случаях следы «советского прошлого» ярко прослеживаются, эта составляющая является одной из основных миромоделирующих категорий для современной частушки.

Ценностная система, свойственная традиционной культуре, безусловно, сохраняется, поскольку общечеловеческие ценности неизменны. Концептуальная система современных частушек (от 1980-х до настоящего времени) расширяется, появляются концепты, неактуальные в прошлом: «экономика», «здоровье» и др., модифицируются концепты «власть», «политический режим», «политический лидер» и др.

---

¹ Нами проанализированы материалы Томских сайтов, региональных СМИ.

Концепт «власть» занимает центральное место при описании институционального дискурса, в первую очередь, политического (работы М.В. Гавриловой, М.В. Ильина, В.В. Колесова, Е.И. Шейгал). Однако власть становится объектом рефлексий и в фольклорном дискурсе, оценка власти в фольклорных текстах отражает взгляд определенного культурно-языкового сообщества, демонстрируя относительную стабильность и одновременно изменчивость восприятия власти «простым» человеком в зависимости от социально-политической ситуации. Отметим, что наблюдения сделанные исследователями на материале словарей русского языка, политических текстов (см. работы выше названных исследователей) находят подтверждение и в нашем материале.

Культурно-идеологические представления народного сознания советской эпохи на сегодняшний день изучено недостаточно, при господстве официальной коммунистической идеологии у народа выработался свой комплекс идей, определявших его поведение, «народная идеология» не была примитивизацией марксистско-ленинской. Можно говорить о сосуществовании двух идеологических, ценностных систем в советском обществе, о двоемыслии: официальном и «народном». «Народная» советская ценностная система и получила отражение в фольклоре этого времени.

В результате экспедиций 50-70-е гг. XX в. (проводимых филологическим факультетом ТГУ) частушек, в которых обсуждалась бы тема власти, было зафиксировано небольшое количество. Текстами, где выражалась негативная оценка существующей власти, с «чужими» (собирателями) делились неохотно, страшась наказания, вспоминая 30-е гг., распространенное «стукачество». Тоталитарный режим не способствовал активности прилюдного выражения рефлексий по поводу власти (*Колхозники, канареечки, / Проработали все лето, / Без копеечки // Как во сталинском колхозе / Зарезали мерина, / Разделили все кишки, / Поминали Ленина // Ленин музыку играет, / Сталин пляшет трепака. / Развалили всю Россию / Два «веселых»...*).

Тексты, прославляющие колхоз и советскую власть, как часть агитационного дискурса, воспринимались как нечто искусственное, лишь формально принадлежащее к данному жанру, поэтому их редко цитировали. Вероятно, изначально они предполагали сценическое исполнение. Отметим, что в силу убеждений, инерции (трудно говорить о причинах, они индивидуальны) некоторые информанты исполняли тексты, где власть, воспринимаемая как данность, оценивалась априорно положительно. В этих частушках власть ассоциируется с государственными лидерами, «мифологическими символами», вызывающими у советского человека смешанное чувство обожания и ужаса (*Ой, спасибо Ленину, / Ой, спасибо Сталину, / Ой, спасибо еще раз / За Советскую власть// По завету Ленина, / По закону Сталина, / Мы построили колхоз – / «Верный путь крестьянина»*). Новые составляющие советского режима также активно обсуждаются в частушке (*Посадила под окошком / Я на память пять берез, / Это память с того года, / Как вступила я в колхоз // Жизнь зажиточна в колхозе, / Все работа наших рук. / Так сказал товарищ Сталин, / Наш рабочий вождь и друг*). В подобных текстах утверждение «правильности», положительности данного способа организации жизни реализуется с помощью ценностно нагруженных лексем *память, зажиточная (жизнь), Сталин*.

Частушке свойственно оппозиционное строение: сравнение, противопоставление важных составляющих модели мира. Колхоз как знак советской действительности предстает как идеальный мир в противовес прошлой жизни: *единолична/колхоз, лапти/туфли (Единолична была, / Лапти носила, / А вступила в колхоз, / Туфли запросила)*. При этом жанровые установки частушки – изображение антинормы/ирреального для описания идеальной модели мира, актуализация общей апперцепционной базы, ориентированность на достижение комического эффекта позволяют и в этих текстах увидеть многозначность оценок описываемой ситуации (*Как вступили мы в колхоз, / Сразу в гору прянули: / Раньше ели только хлеб, / А теперечь пряники // Ох, Семеновна / Моя милая,/ Не ходила в колхоз, / А ты*

ленивая). Так, название колхоза «*Верный путь крестьянина*», *пряники* как символ сытой жизни, оппозиция *хлеб/пряники* как нарушение порядка жизни, чередования будней/праздников, *лень* как характеристика единоличника демонстрируют несоответствие описываемых событий реальной ситуации.

В 80-90-е гг. XX в. количество частушек о власти значительно возрастает, причем эта тема рассматривается сквозь призму материального положения человека (*При застое плохо жили, / О еде мы не тужили. / А теперь голодные, / Но зато – свободные! // Нету мыла вымыть рыло, / Нету чая в чайник класть. / До чего ж у нас родная, / Замечательная власть!*). Восприятие власти как силы, которая должна заботиться о «простом человеке», но противостоит ему, господствует и в это время. В результате затягивания реформ, отсутствия позитивных изменений в повседневной жизни человека массовое сознание полагает, что советская система сама по себе была не так уж и плоха². Для частушек этого времени также характерно противопоставление *раньше-теперь*. Застой воспринимается как «лучшее время», время достатка и равенства (*В синтепоновом пальто / Сразу видно, кто есть кто. / А в дубленке на меху / Сразу видно «who is who»*). Политический режим, ограничения свободы слова и другие его «издержки» достаточно быстро изживаются в сознании, вытесняются из него как травмирующие обстоятельства. Противопоставление *голодные – свободные* свидетельствует о неактуальности, вторичности категории свободы в сознании этого времени. Свобода в сознании человека сводится к свободе действий, ослаблению давления власти, идеологии. Политическая неактивность, сформировавшаяся к этому времени, приспособленность людей жить в условиях несвободы, оппозиции к власти, удовлетворение потребности в независимости в кухонных разговорах, анекдотах, частушках

---

² Опросы относительно качеств старой и новой власти (1999 г., N=2000) дали следующую картину. Советская власть характеризовалась опрошенными как — «близкая народу», «своя, привычная», «законная», хотя и «бюрократичная», но «авторитетная», «сильная, прочная» и «справедливая»; нынешняя же власть — как «далекая от народа, чужая», «коррупцированная», «незаконная» (лишь 12% назвали ее «законной») [Левада Ю. Феномен власти: парадоксы и стереотипы восприятия // Он же. Цит. изд., с. 323-344].

приводит к обесцениванию данного понятия. К тому же, по данным языкового отражения русского национального сознания (см.: Шмелев А.Д., 2000) свобода, в отличие от воли, «предполагает ... порядок, но порядок не столь жестко регламентированный /.../ свобода связана с нормой, законностью, правопорядком...» (Шмелев 2000. С.357–367), т.е. связана с властью, которая и берет на себя функции обеспечения «правильного порядка» жизни.

С конца XX века в частушке оцениванию подвергается проявление власти в разных сферах человеческой деятельности: политическая, президентская, экономическая и т.п. Негативно оцениваются действия власти как таковой: от президента до местных властей, правоохранительных органов (*Юн, кудряв, хорош собой, / Как цветочек аленький, / Только выпал срок ему – / Не большой, а маленький // Жириновский обещает: / Всех от голода спасу! / Стариков я сдам на мясо, / А старух на колбасу! // Если б дали депутатам, / Как у всех у нас, зарплату, / То жевали б депутаты / На обед свои мандаты // Иномарку мэр купил / На жалкие копеечки. / Видно, сорок лет копил, / Продавая семечки // В детстве мальчика, бывало, / Мать милицией пугала. / Вырос мальчик, словом «мать» / Стал милицию пугать*). Концепт «политический лидер», тесно пересекающийся с концептом «власть» заслуживает отдельного исследования. Отметим, что каждый из руководителей государства, яркие политики (Жириновский, Черномырдин, Гайдар) были оценены в частушке. Политик оценивается через поступки, оставившие след в экономической, политической жизни страны («*Ой, Никита ты, Хрущев, / Кукуруза нам на що?/ Будем столько ее жрать – Станем кукурузой ср...ть!*») // «*Весь в делах, в политработе / О земле Малой в заботе, / Он и добрый, он и нежный / Из морпеха – Ленька Брежнев!*» // *Что же ты наделала, / Голова с проталиной:/ Всю Россию развалил, / А свалил на Сталина*).

Государственный лидер, как и вожди партии, воспринимается как «хозяин» власти, диктующий народу свою волю, а не как персонификация

института власти (*Ехал с милкой с бодуна / Я на тачке в Мневники, / Слышал, Вова Диму на / Значил нам в преемники // Мне миленочек поведал / Про большую акцию: / Путин подобрал «Медведю» – / Персонификацию/*). Противостояние власти и человека из народа, характерное для советского времени продолжается, к тому же разрыв между властной верхушкой и человеком увеличивается. Обсуждение власти и личностей политиков в настоящее время часто происходит через актуализацию составляющих советского режима, оценивающихся отрицательно (*Мы за Путиным идём, / Значит будет всё путём! / А кто думает иначе – / В «Тишине Матросской» плачет! // Я вот срока третьего / Не боюсь нисколечко, / Верю я в Медведева / Дмитрия Анатольевича// Как же нам не веселиться, / Не грустить от разных бед;- / Раньше был он КГБистом, / А теперь он президент.*).

Можно говорить о сохранении базовых установок в отношении к власти: далекая от народа, непоследовательная, беспомощная, прагматичная, не желающая и не умеющая обеспечить достойный уровень жизни населению. Экономическая составляющая вообще оказывается одной из основных в ценностной народной шкале. В частушках 30-х гг. XX в. и 2000-х XXI в. любой политик, любое событие в жизни страны рассматривается сквозь призму уровня жизни населения (*В экономике подъем – / «Ножки Буша» все жуем. / Поднимаемся все выше – Почему ж худые крыши? // Перестройка, перестройка / Принесла нам горя столько. / Денег нет и на штаны, / Нищий как после войны // Так прибавили квартплату, / Ну а пенсия мала. / И квартиру я в аренду / Вместе с дедом отдала. // Президент, поев икорки, / Лихо мчит на лыжах с горки, / Мы же - корочки едим, / В новостях за тем следим...).* Проанализированный материал позволяет говорить о парадоксальности постсоветского сознания: при принятии идей рыночной экономики – отрицание принципов рыночного распределения (деления общества на бедных и богатых, отрицательная оценка банкиров, предпринимателей); желание вернуть порядок и законность – признание

возможности нарушить его для личной выгоды (*Каждый хочет в депутаты,
/ Лишь оклад бы получать. / А что делать там он будет, Ничего нам не
понять. // Денег дашь врачу – полечит, / Все вниманье обратит / А не дашь –
так покалечит, / В инвалида превратит. // Мой миленок – мафиози, / Третий
день лежит в навозе, / Изменяю законы так, / Будет в Думе заседать*).

Безусловно, разрушение советской системы привело к отказу от «концептуальной идеи социализма», однако многие из «советских идей» трансформировались обыденным сознанием, превратились в стереотипы, которые оказались живучи и в постсоветскую эпоху, они стали способом адаптации к новым условиям. Так, в Советском Союзе важнейшим элементом государственной идеологии являлась оппозиция «мы–они». Образ врага, имевшего обобщенное название – Запад, получил воплощение и в искусстве, и в СМИ. Для народного сознания Запад амбивалентен. Он есть воплощение материального благополучия, технического прогресса, с одной стороны, и угроза независимости, самости России – с другой (1. *Мы закусываем луком, / А они – бананами. / У них виски пьют из рюмок, / А у нас – стаканами! // 2. Заграница присылает / Тряпочки да ниточки. / За границу уплывают / Золотые слиточки // 3. За Америкой бежали / Спотыкаясь, долго мы. / Наконец ее догнали / И взмолились: «Дай займы!» // 4. Пойду выйду на крыльцо, / Посмотрю на небо. / Не летит ли друг наш Клинтон, / Не везет ли хлеба? // 5. Вот и стала былью сказка, / Есть, чем Запад уди вить! / Мы в набедренных повязках / Будем по миру ходить*). Сравнение себя с Западом становится в частушке способом самоописания и способом самоутверждения (*лук – банан, рюмки – стаканы*). При этом в частушках 90-х гг. прослеживается разрушение советских представлений о России как великой державе, равной Америке, критерием отнесения к супердержаве становится все тот же «высокий жизненный уровень населения».

Конкретно-ситуативная зависимость обуславливает подробную прописанность бытового фона частушки, выраженного в активном использовании единиц, называющих бытовые реалии – предметы одежды,

предметы быта, транспорт и др. Часто именно они, коннотативно нагруженные, становятся символом советской действительности, передают отношение и к прежнему и новому режиму. (*Я жену свою Алену / Полюбил за личико. / Она носит **панталоны** / Фирмы «**Большевичка**». // Говорила баба деду: / - Ты купи мне, дед, «**Победу**»! / А не купишь мне «**Победу**» – / Я у иду к другому деду! // Почему **калош** не стало? / Их не стали продавать? / Просто стали всю резину / Против СПИДа надевать*)

Таким образом, постсоветское народное (массовое) сознание характеризует приверженность стабильным социальным ценностям. «Народный социализм» можно рассматривать как некоторый самостоятельный культурный комплекс, существующий параллельно с официальным и претерпевающей изменения на разных этапах развития России. Фольклор отражает все этапы превращения официальной советской идеологии в «народную технологию выживания», фиксирует представления о нормах поведения, ценностные установки «советского» и «постсоветского» человека. Идеализация советского прошлого во многом обусловлена психологическими особенностями человека, которому свойственно в прошлом видеть хорошее, к тому же при советской власти присутствовала стабильность качества жизни: при экономической «уровниловке» установка на равенство возможностей. В постсоветское время, в начале третьего тысячелетия, на смену техники выживания приходит техника достижения комфорта, но на бытовом уровне «советские идеи» в измененном виде продолжают существовать, хотя ушла общая «духовная» объединяющая идея, отсюда множественность поисков: от модернизированного коммунизма до религиозных систем. При внешнем, казалось бы, отсутствие политических амбиций, когда практически все политические проблемы обсуждаются сквозь призму экономических, стремление сохранить независимость в выборе, предотвратить возвращение к прошлому в политической жизни активизируются через ряд знаковых составляющих советского режима: отсутствие демократии, репрессии, формализм и т.д.

Современное народное (массовое) сознание как и прежде амбивалентно, полярность в осмыслении истории страны, собственного поведения свойственно и человеку XXI в. Это объясняется и живучестью, привычкой к стереотипам, сформированным в советское время, и характерная бинарная организация ценностных систем, русскую культуру, в отличие от западной, характеризует бинарный способ мышления и самовыражения национального духа (работы Ю.С. Лотмана). Можно говорить о конструировании особой модели российского современного пространства, экономическо-политического и культурно-исторического мышления, аккумулирующего разные ценностные системы.

Литература

Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Рос. АН. Музей антроп. и этнограф. им. Петра Великого (КУНСТКАМЕРА); Отв. ред. А. С. Мыльников. – СПб.: Наука, 1994.

Неклюдов С. Ю. Несколько слов о постфольклоре // www.ruthenia.ru/folklore.

Богданов К. А. Прецедентные тексты в современном фольклоре // www.ruthenia.ru/folklore

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука, 2000.

Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. М., 1998.

Шмелев А. Д. «Широта русской души» // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С.357–367.